

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Бобрихин Андрей Анатольевич

канд. филос. наук, доцент

ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»

г. Екатеринбург, Свердловская область

ВКЛАД П.П. БАЖОВА В ФОРМИРОВАНИЕ УРАЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: в данной статье автором рассматриваются отдельные события в истории уральской фольклористики, ключевым образом повлиявшие на конструировании образа «уральца», а также подвижническая работа уральских краеведов В.П. Бирюкова и И.Я. Стяжкина.

Ключевые слова: региональная идентичность, народная культура, русское население Урала, фольклористика.

Начало XX века ознаменовано всплеском интереса к краеведческим исследованиям. Работы местных краеведов начинают активно публиковать в сборниках местных научных обществ («Записки Уральского общества любителей естествознания», «Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии», «Памятные книжки Пермской губернии» и «Календари Пермской губернии». Этнографические заметки регулярно печатались на страницах «Пермских губернских ведомостей» и др.), издавались в центральных журналах («Живая старина», «Старые годы», «Северный вестник», «Отечественные записки» и др.) в массовой периодической печати. Среди исследователей, сформировавших источниковую базу для последующего обобщения и изучения традиционной культуры уральцев следует упомянуть Н.К. Чупина, В.Д. Шишонко, И.Я. Стяжкина, А.А. Дмитриева, П. Богословского, В.П. Бирюкова и пр. [5, с. 66].

В эти годы шла активная работа по формированию провинциальных музейных коллекций, особенно обращает на себя внимание подвижническая деятельность таких краеведов как В.П. Бирюков и И.Я. Стяжкин, творческая судьба которых во многом схожа. Собиратели уральского фольклора и исследователи народных традиций, начав с записей песен, диалектной лексики и малых жанров народной словесности, со временем проявили разносторонние интересы и исследовательские способности: основали музеи народного быта, составляли и готовили к публикации фольклорные сборники.

Время советской власти ознаменовалось подчеркнуто идеологическим изучением бытовой культуры населения Урала, классовый подход распространялся на методологию исследований, цели и ожидаемые результаты. Урал служил удобным полигоном для отработки формационных и классовых теорий культуры и искусства, «историки едва ли не в большей степени, чем до 1917 г., сосредоточились на изучении горнometаллургической промышленности края, а также истории формирования рабочего класса и его социального протesta» [5, с. 206].

В сороковые годы, после вручения Сталинской премии П.П. Бажову, последний часто посещал преподавателей и студентов факультета, наставляя их о необходимости собирания рабочего фольклора, поиска в архивах свидетельств народной мудрости – рабочей смекалке и предприимчивости. Основной направленностью исследований кафедры, на наш взгляд, мотивированный поиском «уральской особицы» и классовым чутьём, были темы и жанры, упорно не замечавшие крестьянский компонент народной культуры: исторические предания, несказочная проза, анекдоты, нарративы солдат и рабочих. «Не случайно П.П. Бажов в 1949 году призывал фольклористов повернуть «от свадебщиков к производственникам», выйти «на главную улицу народного творчества», т. е. к рабочему фольклору.» [4, с. 83].

Примечательна и характерна история появления сборника «Дореволюционный фольклор на Урале», эта история на фактическом материале позволяет понять способы конструирования исследовательских объектов «фольклор Урала» и «народная культура уральцев», условий, в которых формируется источниковая

база фольклористических, этнологических и культурологических исследований – как советского времени, так и последующих периодов.

Значительным импульсом к созданию новой методологии и конструированию предметности фольклористических исследований была серия дискуссий, прошедшая в Москве и Ленинграде на тему «Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период» в 1931 году, на которых была оформлена задача изучения «современного рабочего и колхозно-пролетарского фольклора», и допущена возможность вмешательства, направления и руководства народным творчеством. «Дискуссия 1931 г. ознаменовала собой начало политизации фольклористики и господства идеологических оценок самого художественного фольклора и научных подходов к нему. Произошла решительная идентификация фольклора с литературой» [6, с. 7]. Власть инициировала массовое фольклорное движение, санкционировала проведение идеологически «правильных» мероприятий и публикацию классово выверенных текстов. «В народе» зазвучали «фольклорные» песни, сказы и былины о народных героях, Ленине и Сталине, Ворошилове и Чапаеве. На этом идеологическом фоне создавались новые советские исследовательские школы, запускались программы сбора и публикации произведений народного творчества, в атмосфере общесоюзного внимания к народному творчеству и создавался сборник «Дореволюционный фольклор на Урале» в Свердловске.

В 1934 году В.П. Бирюков собирает материал для сборника уральского фольклора: первая запись датируется 22 августа 1934 года, а по договору сборник должен быть сдан в декабре 1935 года! Разумеется, что «сборник» к этой дате не был готов, и к его подготовке в феврале 1935 г. подключают редактора, Е.М. Блиннову, которая коренным образом меняет все направление работы: она сначала «посоветовала усилить сбиранье фольклора национальных меньшинств Урала и сделать его первым выпуском, а русский фольклор – вторым», затем требует ввести фольклор, «отражающий уральскую специфику, а также историю», в частности предания и легенды рабочих. Несмотря на то, что опытный фольклорист В.П. Бирюков утверждал, что «нигде не может найти рабочего фольк-

лора», Блинова решает сделать сборник «зубастым» и «социально насыщенным», выбросить многое из собранного Бирюковым, отказаться от предисловия известного фольклориста Ю.М. Соколова. Редактор сама интенсивно собирает рабочий фольклор, а также поручает это знакомым журналистам и литераторам, что составило в результате вторую часть сборника. В приложении сборник дополняется словарем рабочих профессий горщика, доменщика, углежога, гравильщика и кустаря по выделке златоустовских ножей и вилок», ряд материалов был взят из уже опубликованных изданий: «Литературной хрестоматии по истории Урала» (Свердловск, 1936), сборника «Песни революционного подполья» (Свердловск, 1935) и др. После Е.М. Блиновой редактором сборника становится П.П. Бажов, который прежде оказывал большое внимание на Е.М. Блинову, именно благодаря ему она «открыла» рабочий фольклор, ведь «сначала она планировала дать первым томом фольклор национальных меньшинств Урала, вторым – русский фольклор, а через четыре месяца общения с П.П. Бажовым, в июне 1935 г., резко изменила направление работы и стала нацеливать В.П. Бирюкова на собирание рабочего фольклора» [1, с. 32].

«Уральский журналист» (как о нем отзывалась Е.М. Блинова) П.П. Бажов немало потрудился для создания уральского фольклора, он «восстановил по памяти», а фактически написал для сборника сказы «Дорогое имячко», «Медной горы Хозяйка», «Про Великого Полоза». Они были опубликованы как фольклорные записи сказов В.А. Хмелинина, которые П. П. Бажов слышал в 1892–1895 гг. Такое «воссоздание» не противоречило концепции Ю.М. Соколова о художественном фольклоре, поэтому он в своем учебнике высоко оценил «записи» сказов П.П. Бажова, назвав его «собирателем».

Можно уверенно предположить, что известный уральский писатель прямо или косвенно являлся создателем большой части корпуса текстов уральского фольклора. Мало того, он со временем становится методологом и организатором экспедиционной работы уральских фольклористов: «инициировал создание первой фольклорной экспедиции в горнозаводские районы Урала, консультировал участников» в 1944 году (через восемь лет после выхода сборника уральского

рабочего фольклора), рекомендовал населенные пункты для записи уральского фольклора, давал методические советы по записи рабочего фольклора.

С точки зрения формирования и специфических условий развития исследований народной культуры на Урале примечательным являются замечания, оставленные И.Я. Стяжкиным в своей автобиографии, написанной в 1950 году: «В настоящее время сотрудничаю в издаваемом Свердловским университетом сборнике «Уральский фольклор». Собираю для нового сборника воспоминания участников II Отечественной войны». И далее: «Кроме того, записываю песни, сказки, составляю словарь местных слов. В черновиках имеется материал для большого сборника». Судя по переписке, сохранившейся в личном архиве И.Я. Стяжкина, к нему неоднократно обращались за фольклорными материалами фольклористы Уральского университета Кукшанов и В.П. Кругляшова. Однако далеко не все из обширной коллекции Стяжкина годилось для публикации и изучения советскими фольклористами. «Приходилось очень внимательно относиться к идеально-художественным достоинствам песен. Всякие элементы религиозного содержания, грубоватого просторечья совершенно недопустимы», – писал Кукшанов И.Я. Стяжкину, объясняя, почему так мало отбирается для печати проголосных, игрищных и плясовых песен [1]. В конце концов, фольклорный материал, переданный И.Я. Стяжкиным свердловским специалистам, так и не увидел свет. Из 1219-страничного труда Стяжкина за годы сотрудничества со специалистами УрГУ в 1949–1957 гг. было опубликовано лишь несколько пословиц и поговорок, исторические песни, сказка «Царь Петр и матрос» и песня «Товарищ боец, становись запевалой».

Известно, что основным способом формирования источников базы фольклориста, позволяющей делать обобщения о духовной культуре народа, является полевая запись, непосредственная фиксация фольклорного произведения в процессе исполнения в экспедиционных условиях. Карта маршрутов экспедиций фольклориста формирует источниковую базу и позволяет судить о территориально-сословных характеристиках изучаемого населения. Фольклорные экспе-

диции Уральского государственного университета им. А.М. Горького предпринимались «преимущественно в крупные промышленные города и поселки городского типа Урала», и в результате таких экспедиционных маршрутов и установок сформировали соответствующий корпус источников [4, с. 83].

Кафедра фольклора и древней литературы в советское время была центром изучения горнозаводского, рабочего и революционного фольклора, в исследованиях и тематике работ преподавателей кафедры всегда был заметен «бажовский», пролетарский след, поиски «новаторского» содержания. Так, например, М.Г. Китайник, инициатор фольклористической работы в 1943–1944 гг., организовывал фронтальный просмотр уральских полковых газет с целью выявления публикаций самодеятельного творчества солдат, «он увлекается стенными газетами, стихотворениями, которые делаются журналистами» [3, с. 20].

Оsmелимся предположить, что так называемое «региональное своеобразие» народной культуры русского населения Урала как понятие сформировалось не столько при добросовестном анализе фактов и феноменов народной культуры, сколько в результате негативных последствий двух факторов: а) пролетаризации фольклорных исследований и б) преимущественно кабинетного характера формирования источников базы. Вроде поиска «не там, где потеряли, а там, где светло».

В итоге этносоциальная идентичность русского населения Урала – как научный объект исследований второй половины XX в. предстает в искаженном виде, а как социокультурное явление – малоизучен, обладает нечеткими хронологическими границами и предметной неопределенностью.

Искажения связаны с тематикой, предметностью и направленностью исследований и практической работы в области народной культуры, обусловленными идеологическими установками на формулирование горнозаводского, рабочего, мятежного характера населения Урала, отказа от «кулацкой», «дремучей старины» и «гробокопательства», в духе идей о неполноценности крестьянской культуры – «крестьянство – это навоз для произрастания рабочего класса» (Л. Троцкий). Оптимистическая, модернизационная ангажированность (порой

слепота) исследователей имела следствием закрепление в массовом сознании и культурных практиках недостоверного образа народной культуры. Революционность пролетарско-горнозаводской народной культуры в советском обществе должна было с неизменностью обернуться разухабистостью, радостью от дарованного счастья и парадно-хоровым унисоном исполнителей.

Ряд причин методического характера, на наш взгляд, оказали негативное влияние на конструирование научного объекта – народной культуры русского населения Урала. На протяжении 1930–1980-х годов источниковая база исследований формируется как результат:

1. Тенденциозного отбора экспедиционных маршрутов, доступностью, известностью населенных пунктов, посещаемых собирателями – фольклористами и этнографами.
2. Тенденциозного отбора содержания собираемой информации, жанровых и тематических предпочтений собирателя.
3. Тенденциозного отбора методик формирования эмпирических данных.

Не нужно заблуждаться и по поводу горнозаводского характера народной культуры на Урале. «Заводской» – не означает наиболее распространенный тип уральца, как «горный» – не означает ландшафтное самоощущение обитателя региона, а лишь доминирующий экономический дискурс и ведомственную принадлежность элиты (горнозаводское чиновничество). Очевидно, что одни явления культуры лучше подлежат формализации, их стандартизованные выражения удобнее подпадают под сеть значений письменного способа трансляции и фиксации культуры, отражаясь в архивных документах и статистических сборниках. Другие явления культуры, преимущественно традиционно-бытовой, культуры повседневности, проявляют свою сущность лишь при непосредственном наблюдении, исполнении или переживании. Следовательно, предпочитая архивные изыскания, работу со статистическими документами, мемуарами и письменными свидетельствами, исследователь получит в качестве объекта изучения один образ уральца, а наблюдая культуру в ее непосредственном бытовании и осуществлении, – другой.

Список литературы

1. Архив Каменск-Уральского музея им. И.Я. Стяжкина.
2. Бажовская энциклопедия / Редакторы-составители В.В. Блажес, М.А. Литовская. – Екатеринбург: Сократ; Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 640 с.
3. Блажес В.В. У истоков. К 60-летию филологического факультета Уральского государственного университета / В.В. Блажес // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – №17.
4. Кругляшова В.П. Фольклорное искусство в современности // Бытование фольклора в современности. На материале экспедиций 60–80-х годов. Сборник научных трудов. – Свердловск: Изд. УрГУ, 1983. – 160 с.
5. Мурзина И.Я. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры: учеб. пособие для вузов. В 2 ч, Мурзина И.Я., Мурzin А.Э./ Урал. гос. пед. Ун-т. – Екатеринбург, 2006. – Ч. 1. – 244 с., Ч. 2. – 246 с.
6. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – Спб.: Наука, 1994. – 239 с.